

Сергей Семипядный

Украл — поделись

Сергей Семипядный

Украл – поделись.

Физиология предательства

«Издательские решения»

Семипядный С.

Украл – поделись. Физиология предательства / С. Семипядный —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741479-5

Хотя произошло это в середине девяностых, многие герои описанной ниже истории ещё живы. Двое из них собираются зарегистрировать брак. Фамилия космонавта изменена, фамилия Синодский также вымышленная. А началось всё с того, что в руках двух приятелей оказалась приличная сумма денег, честно полученная в результате спонтанного акта разбойного нападения. Честно-то честно, но не все с этим согласны. А выбор не прост. Дружба и любовь или корысть и предательство?

ISBN 978-5-44-741479-5

© Семипядный С.
© Издательские решения

Содержание

Куда ты, тропинка, меня привела?	6
Без милой принцессы мне жизнь не мила	12
Деревенская мафия шлёт гонца	17
«Пожми руку старому другу»	24
Жених и невеста. Их не догонят	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Украл – поделись Физиология предательства

Сергей Семипядный

Дизайнер обложки Елена Семипядная

© Сергей Семипядный, 2021

© Елена Семипядная, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4474-1479-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Куда ты, тропинка, меня привела?

В атмосфере вагонного застолья эта идея объявилась с последними каплями разлитой по стаканам водки.

– Всё, – вздохнул Бабухин. – Хоть выжимай её, гладенькую.

И, несколько раз встряхнув опорожненную бутылку, поставил её на столик. В стаканах почти ничего не было, так, на доньшке.

– А я бы ещё чуток принял унотрь, – посетовал Литиков и уставился на Бабухина требовательным взглядом.

Бабухин, не без определённых усилий расшифровав содержание устремлённого на него взгляда, рассердился.

– Что ты хочешь и намерен этим сказать? – вскинул он подбородок. – Встал и убежал? Ты это хотел мне в уши втереть? Говори прямо. И я тебя пошлю прямо. Ну!

Бабухин высокий и сильный, на голову выше Литикова.

– Чего ты вспенился? – выпятил толстые губы Литиков. – Я только сказал, что выпить бы не помешало. Ты не хочешь? Нет? А я вот хочу.

– Я не хочу?

– А вот я и не знаю, хочешь ты или нет. Кто тебя знает!

– Я – хочу. А деньги? – Бабухин мышцы своего пьяного лица мобилизовал на созидание саркастической улыбки. Этот Литиков ужрался так, что уже не помнит, как они час или полчаса тому назад выскребли остатки денег на эту вот – на данный момент уже пустую – бутылку водки. – Ты же дохляк! Ты же не умеешь пить! Денег у нас нет, кончились! И что получается? Я помню всё об этом... печальном факте, а ты...

Бабухин развёл руками и пьяный прищур глаз попытался переоформить в презрительный.

– И я помню! – возмутился Литиков. – Ты сказал, и я вспомнил. Какие проблемы?

– Ты чего, окончательно уже упился?

– А что такое?

– Я объясняю: денег нет.

– А, это я знаю, – закивал Литиков. – Знаю. Да. Нету денег. – Литиков задумался. – Надо что-то делать, однако, – наконец пробормотал он.

– О! Стоп-стоп-стоп! – поднял палец Бабухин. – Помолчи, помолчи минуту! Чего-то крутилось там, в башке. Мысля какая-то. А! Во! Надо достать денег.

– И купить водки.

– Да, водки.

Спустя три минуты они поднялись, чтобы идти в вагон-ресторан, где и добыть водки. А если же сначала топать за деньгами, а уж потом за водкой, то это очень долго. Бабухин, шагнув вперёд раз пять, оглянулся.

– Ты где там запропал?

– Я обуваюсь. А ты уже?

– Ты чего? Совсем? – Бабухин покрутил пальцем у виска. – Ты же весь народ подымешь. Я же с тобой, как с лошадейю...

– На что намекаешь?

– Топать будешь, идиот. Смотри! Видишь? Я босиком иду на дело. В носках в одних. – Бабухин согнулся пополам и указал на ступни своих ног.

– Не, тут чё-то не то, – возразил Литиков.

– Ну ходи лошадейю, – пожал плечами Бабухин. – Как хочешь. А я лично в ботинках на дело не хожу. Тем более возвращаться – плохая примета.

- Ну и не ходи.
- Может, и не ждать тебя вовсе?
- Не-не, подожди! – Литиков заспешил и оборвал шнурок. – Ё-моё, шнурок порвался.
- Что я говорил?
- Не, ты чё-то другое говорил. Не про шнурок.
- Я тебе как раз про это и говорил, алкаш.
- Ну зачем ты так? – Литиков поднялся на ноги и теперь топтался на месте, разглядывая ботинки и пытаюсь решить, так ли уж это необходимо – шнурки завязывать. – Когда в товарищах согласия нет... Ты, Пашка, скажи мне, пистолет ты взял?
- С собой.
- Вы сегодня уймётесь, наконец, или нет, твари пьяные?! – высоко прозвенел дрожащий от негодования женский голос.
- Это из того конца, – определил Литиков, указывая в сторону рабочего тамбура. – Пальни!
- Нет, пошли. Беречь надо патроны.
- Они долго и шумно добирались до вагона-ресторана. Бабухин требовал от Литикова ступать осторожно. Литиков отвечал, что он идёт исключительно бесшумно. И эти их препиательства тревожили сон пассажиров и дремотный покой проводников. Кроме того, они периодически останавливались и принимались обсуждать детали предстоящего дела, пускаясь порою в словесные схватки, которые по причине пьяных сбоев в психологических механизмах сравнения при восприятии реплик собеседника приобретали затяжной характер.
- Перекрыли! – вскричал Литиков в отчаянии. – Гады! Гады! Сволочи! – Он обхватил руками голову и упал лицом на металлическую дверь. Плечи его заподрагивали.
- Идиот! Звони! – приказал Бабухин.

***

- Пришли. Ресторан. Звони давай!
- Господи! А я подумал... Бог есть. Он не фраер. Я хочу выпить. До безумия. Очень сильно, беспредельно и безгранично, – бормотал Литиков, тыча трясущимся пальцем в кнопку звонка.
- Дверь открыли. За порогом стоял небритый, заспанного вида мужик и вполглаза смотрел на ночных посетителей вагона-ресторана. Он, судя по всему, надеялся обслужить посетителей и при этом сохранить какую-то часть сна, чтобы после их ухода не ворочаться в постели, а уснуть моментально.
- Водки? – спросил вяло. Прозвучало как «вод».
- Да, – ответил Литиков.
- Деньги есть? – спросил мужик. Прозвучало как «день е».
- Море.
- Деньги. Сколько? – бормотнул мужик и протянул руку. Литиков и Бабухин услышали: «День. Ск.»
- Сколько нам? – повернулся Литиков к Бабухину.
- Посторонись немного. Встал! – Бабухин раздражённо потряс пистолетом. Литиков посторонился, и Бабухин приблизился к ресторанному мужику. – Не обидим. Возьмём, сколько унесём. Тащи! Хотя нет. Ложись на пол. Сами обслужим себя. Ложись, чтобы не подстрелили случайно. Ложись, говорю!

Подоспел Литиков и помог уложить запостанывавшего мужика на пол. Бабухин хотел на всякий случай ударить нерешительно сопротивляющегося мужика по затылку рукояткой

пистолета, но не смог должным образом прицелиться. И потому решил отказаться от этой затеи.

– Вяжи его! – приказал он Литикову.

– Чем?

– Я знаю?

Литиков нагнулся к ресторанному мужику.

– Чем бы тебя связать? А? Шнур какой-нибудь, ремень?

– Вон ту дверь привязываем. Шнурок. На ручке.

– Спасибо.

Литиков поспешил к двери, ведущей на кухню. Спустя две минуты со связыванием рук было покончено.

– Присядем на дорожку, – вытирая пот со лба, предложил Литиков.

– Нет, сначала соберём всё, – возразил Бабухин и обратился к связанному: – Сумки, чемоданы, рюкзаки есть?

– Нет. Нет ничего! Кастрюли только!

– Возьмём в карманы, а остальное деньгами, – предложил Литиков.

– Деньги есть? – Бабухин дулом пистолета ткнул в затылок лежащего. – Где они?

– У меня нету!

– А выручка?

– У директора, наверно.

– Где он?

– В пятом или шестом. Я точно не знаю.

В дверь позвонили. Бабухин и Литиков переглянулись.

– Кого там черти носят?! – недовольно рыкнул Бабухин.

– Выпить кто-то захотел, – донеслось с полу.

– Надо бы выручить, – нерешительно произнёс Литиков.

– А если там?.. – Бабухин многозначительно уставился на подельника.

Литиков неодобрительно нахмурился.

– Ладно, спроси, чего там надо, – махнул рукой Бабухин.

Литиков направился к двери, но она уже отворилась без его вмешательства.

– Вот те на! – воскликнул Литиков, оглядываясь на Бабухина. – А кто дверь не закрыл?

– Ты и не закрыл, дубина!

В двери возник мужчина средних лет в не застёгнутой кожаной куртке.

– Ты почему не стучишься? – спросил у него Литиков и нахмурился.

– Я звонил, я долго звонил. А потом гляжу – дверь-то и не закрыта вовсе, – оправдывался мужчина, растерянно поглядывая на лежащего посреди прохода. – А что с ним?

– Заболел, – вздохнул Литиков.

– А руки... почему?

– Связаны почему? – Литиков почесал в затылке. – А он это... как его... Он же припадочный. А ты врач, что ли?

– Нет.

– А почему тогда вопросы задаёшь?

Мужчина пожал плечами.

– За водкой пришел? – спросил его Литиков.

– Да. Бутылочку бы. «Русской».

– А, думаешь, «Русская» есть?

– Была же два часа назад.

– Хорошо, давай деньги. И жди за дверью. Время ночное – такса двойная. Предоплата. Вот так вот, братан.

Отпустив товар и закрыв дверь, Литиков удовлетворённо похрустел полученными от покупателя купюрами, сказал:

– Слушай, Пашка, у нас уже деньги появились. На две бутылки, если по дневной таксе. Может, ещё кто заявится.

– Ты водкой торговать собрался? Совсем, что ли? Нас же накроют и в клетку запрячут. Водки мы и так возьмём сколько надо. Нам же деньги на другое нужны. На дальнейшую жизнь и жизненные потребности.

– А кто-то сказал, тут денег нету. А, вот он! – Литиков ткнул ногой лежащее на полу тело.

– Искать надо. Надо искать! – мотал головой, не соглашаясь, Бабухин.

И они нашли деньги. Точнее, они обнаружили на кухне металлический ящик, запёртый на навесной замок. Ящик без особого труда выдрали из стенки вагона, однако замок не поддался.

– Ребята, оставьте ящик! – заголосил связанный. – Там же деньги! Много! Обещал присмотреть!

– Деньги... оставить? – не понял Бабухин.

– Это не наши деньги! Они сейчас придут, а денег нет!

– Кто придёт?

– Которые их сопровождают. Сказали, хотят немного оттянуться. Сказали, чтобы никому не открывал. Они же убьют меня!

– Заладил. А меня не боишься? Они да они.

– Он нас не уважает, – добавил Литиков.

– Давай, Мишка, загружайся водкой. Бери водяру, а я ящик заберу. И надо сваливать.

– Они поймают вас, поймают! – простонал мужик, по щекам которого текли слёзы. – А этот, за водкой приходил, он уже шухер поднял! Сто процентов!

– Надо катапультироваться, однако, – заметил Литиков, рассовывая по карманам бутылки водки.

– А менты? Двое ментов едут, поезд сопровождают! – плакал связанный, пытаясь вытереть мокрое лицо о собственное плечо.

– Он нас пугает, – сказал Литиков.

– Он прав, когти надо рвать.

– Сматываемся, – согласился Литиков.

И они смотались. Поезд ушёл, унося возбуждение, в состоянии которого грабители десантировались из вагона, и Бабухин и Литиков вдруг обнаружили, что зима, что холодно. И – ветер.

– Ой-ёй-ёй! – удивлённо возвестил Литиков и, обернувшись, запрокинул голову, чтобы посмотреть в лицо товарищу.

Бабухин не ответил. Он оглядывался по сторонам, надеясь обнаружить согревающий душу огонёк. Вот и снежная пыль, окончив танец проходящего состава, улеглась окончательно, а ни огонька, ни даже просто каких-либо строений, уснувших или умирающих, то есть оставленных людьми, не обнаруживалось. Только луна недобро посматривала сквозь кружева облаков. Недостигаемая. Холодная.

– Надо, однако, бежать куда-то! – беспокоился Литиков. – Замёрзнем, околеем! А, Пашка?

– Ну, беги! Беги! – заорал Бабухин. – Четыре стороны! В любую шпарь!

Они молча потанцевали с минуту, после чего Бабухин распорядился:

– Беги в одну сторону, а я побегу в другую.

– В какую сторону? – простонал Литиков, танцуя всё быстрее.

– В любую! – прорычал Бабухин. – Если ты – туда, то я, наоборот, – туда!

– Пашка, нам вместе надо держаться! – возразил Литиков, отбивая зубами дробь. – У нас одна беда на двоих!

– Недоумок! Беги и смотри дорогу или тропинку. Или огонёк. Поезд медленно шёл. Как будто остановиться хотел.

– Мы найдём дорогу и по ней – к людям? – озираясь, переспросил Литиков. – А может, по шпалам двинем?

Бабухин не ответил. Он был более чем зол. Как же так? Почему же так получилось, что он, Пашка Бабухин, всегда считавший себя умнее Мишки Литикова, оказался сейчас в более проигрышном виде? Ногами в отнюдь не толстых носках, уже насквозь промокших, он энергично уминает снег и ёжится от холода, влезшего под джемпер и рубаху, колюче охватившего голову, зло пощипывающего за уши. А Литиков – в ботинках и шапке!

Они побежали в разные стороны, и тут Литиков завопил:

– Дорога! Дорога! К людям, где тепло!

Бабухин остановился, глянул вперёд и вправо, затем вперёд и влево – ни дороги, ни тропинки. Он повернулся и побежал обратно, навстречу Литикову.

– Где дорога? – Бабухин ткнул возбуждённого товарища в грудь.

– Там! Скорее!

– Ящик! – раздражённо напомнил Бабухин, злой по той причине, что не он обнаружил дорогу, по которой они сейчас помчатся к людям.

– Да плевать на этот ящик! – завопил Литиков, всплеснув руками. – Гори он синим пламенем, проклятуший! В нём же пять кэгэ! А то и все десять!

– В нём мани, придурок! – прорычал Бабухин.

– Мани?! Во! – Литиков вскинул к носу Бабухина кукиш. – Мани! Раскатал губу!

Бабухин, разъярённый, подбежал к ящику-сейфу, нагнувшись, вцепился в него непослушными пальцами замёрзших рук, резко разогнулся и хватил ящиком о рельс.

– Ну, что я говорил? – подскочил он к Литикову, указывая на россыпь денежных купюр.

Литиков съёжился, превратившись едва ли не в карлика, но глаза его разгорелись огнем алчности.

– Мани, мани, – забормотал он растерянно, потом заглянул внутрь ящика и сдавленно вскрикнул: – Ой-ё! Да там лимоны и лимоны!

– А ну, взял его! – приказал Бабухин. – А ну, взял его и понёс!

Литиков поспешно нагнулся и принялся запихивать в сейф деньги, но объявившийся неожиданно ветер подхватил вдруг десятки купюр и бросил их в сторону железнодорожной насыпи, уходящей куда-то вниз, где было темно и неопределённо. Литиков вскочил на блестящий рельс и вперил взгляд в придорожную ложбину, куда канули эти десятки легкокрылых бумажек. И упал в снег. Упал раньше, чем глаза его успели что-либо увидеть в сером мраке зимней ночи.

Литиков, едва успев ладонями закрыть лицо, упал в снег, который отнюдь не показался ему холодным и неприятным, напротив, тишина и покой охватили его со всех сторон, окутав ощущением комфорта. Тишина! И разве что слышимые лишь на молекулярном уровне медитативные исцеляющие вокализы живых кристалликов снежного покрова...

– Подъём! – кричит Бабухин. Словно по живому режет.

– Гад! Гад! – бормочет Литиков и выбирается из снежного месива, ставшего вдруг холодным, колючим и даже влажным. – Так хорошо!.. Так хорошо вдруг стало, а ты!.. Гад!

Бабухин не слушает его. Посиневший от холода и злости, он хватает сейф и бежит к тропе, ведущей к людям и теплу.

– Деньги! Много! – выкрикивает Литиков, догоняя Бабухина. Он, конечно, имеет в виду те купюры денег, что разметал ветер.

– Хватит, нам хватит оставшихся! – рычит Бабухин.

Он перепрыгивает через правый рельс, чтобы бежать по тропинке в направлении воображаемого огонька надежды.

«Хорошо жить с сердцем, полным ожидания великой радости». Но неудобно. Неудобно, если не чувствуешь под собою окоченевших ног, если мороз пронизывает насквозь (не одежду, но – тело), если уши, которых, кажется, уже и нет над вздёрнутыми плечами, влекут, тем не менее, ладони давно околелых рук.

Бабухин, перебрасывая металлический ящик из одной руки в другую, продолжает бежать, тупея с каждым шагом, и – в геометрической прогрессии. А носки уже можно отжимать, так как глупый человеческий организм, продолжая выводить тепловые градусы на уровень кожного покрова, подтапливает соприкасающийся со ступнями ног снег.

– А давай, Пашка, вернёмся утром и соберём.

Бабухин бежит и не слушает Литикова. Этот идиот Литиков ещё не понял, что, возможно, и не доживут они до утра. Сколько километров смогут они преодолеть? По морозу! Раздетые! А где находится тот населённый пункт, куда бежит эта хилая тропинка, то да потому выскакивающая из-под ног? Ни огонька, ни звука в ночи. А тут ещё эта железяка с цветными бумажками, которые превратятся в деньги лишь в том случае, если их с Литиковым не укроет непогода снегом до наступления вонючей, слякотной весны.

– Эй! – Бабухин остановился и обернулся к Литикову. – Твоя очередь.

И он, слегка нагнувшись, уронил сейф на тропинку. Теперь можно обе руки сунуть под мышки.

– Давай по пятьдесят грамм. Для сугреву, – пролепетал Литиков.

– А остальное – куда? Выбросить?

– Можно и допить, – неуверенно произнёс Литиков.

– И под снегом упокоиться?

– Холод же. Моментом выветрится. И опьянеть не успеем.

– Давай!

Литиков зубами открыл бутылку и протянул Бабухину. Бабухин сделал несколько крупных глотков и вернул бутылку Литикову.

Когда бутылку сунули в снег, в ней оставалось не более половины.

Они бежали, шли, брели, опять пытались бежать. И выбрасывали бутылки, одну за другой. Порой и не пригубив даже. Мешали они, торчащие из карманов, на ходу перекидывать справа налево и обратно тяжеленный, обжигающий руки ящик. А потом из рук одного – в руки второму.

И длилось это бесконечно долго. И когда впервые мелькнул огонёк, Бабухин и Литиков уже не способны были проявлять какие-либо чувства. Мелькнул и мелькнул. Ну и что? Они продолжали топтать тропинку, отупело-механически, готовые в любую минуту отказаться от этой жизни-нежизни, повалившись на искрящуюся перину и мгновенно заснув.

Бабухин уже не завидовал короткому шагу Литикова, потому как длина его собственных шагов давно уже вышла на уровень отметки, именуемой «ниже низшего предела», что, однако, не сократило количества промахов, допускаемых то правой, то левой ногой. Его покачивало. И не только из стороны в сторону, но и назад и вперёд.

Но огонёк становился всё более назойливым. Закрепившись в рамках информационно-психологических полей, он начал гипнотическое воздействие на обоих замороженных субъектов.

– Огонь. Там! – прохрипел Бабухин.

– Видел, – отозвался Литиков.

Они молча продолжали двигаться, пока не оказались у крыльца деревянного деревенского дома. Над этим крыльцом и горела одинокая лампочка. Остальные дома были безмолвны.

Без милой принцессы мне жизнь не мила

В этот раз им повезло, они остались живы. Оба. Однако пройдёт не так уж и много времени, когда один из них будет мёртв, а второго будут спрашивать, не подозревает ли он кого-либо в убийстве его товарища, так как первоначальная версия о самоубийстве сомнительна. Эти сомнения возникнут после получения заключения судебно-медицинской экспертизы.

Этот второй, живой, как раз будет находиться в кабинете следователя прокуратуры, когда туда войдёт какой-то невзрачный мужичок в задрипанном костюме, но при галстукке и белой рубашке и положит заключение перед следователем Колодкиным. И они примутся читать и комментировать текст принесённого документа.

Следователь: Раневой канал чистый, без дополнительных порезов.

Второй: Где?

Следователь: Вот этот абзац.

Второй: А если бы не чистый был?

Следователь: Тогда вероятность, что он сам себя зарезал, была бы значительно выше. Вгонять нож в собственное тело всегда значительно сложнее, чем в тело ближнего своего. Сила удара уже не та – когда в себя, я имею в виду, – поэтому самоубийце приходится прилагать дополнительные усилия, напрягаться, чтобы нож поглубже вогнать.

Второй: Но он может и обратно нож выдернуть. А не продолжать резать самого себя.

Следователь: Всё может быть. Смотря, однако, для чего выдернуть. Если удар наносил убийца, то да, согласен, он скорее выдернет нож, чтобы воткнуть его ещё раз...

Второй: Или десять раз.

Следователь: Да. А самоубийце ударить себя ножом второй раз, да ещё и с прежней силой, весьма затруднительно. Да. Поэтому и канал бывает, как правило, далеко не чистый.

Второй: Да, действительно.

Следователь: Ну и расположение раны, а также направление раневого канала не исключают возможности, что не обошлось без постороннего вмешательства.

А пока они оба, в полутрупном состоянии, но живые, укладывались спать на отведённое хозяйкой место, на скрипучем диване неопределённой расцветки.

– Красавица! Красавица! Это же ясно, как Божий день, – бормотал Литиков, ворочаясь за спиной у Бабухина. – Таких и в столицах ещё поискать. А тут, ты смотри, в первом же попавшемся доме и... Стучишь – открывается дверь, а на пороге... Не было бы меня с тобой – я и не поверил бы! И ты не поверил бы! Не так разве?

– Да так, так. Уймись!

– Но ты же видел её! – вскричал Литиков, удивлённый, что Бабухин не спешит присоединить свой голос к изливаемым им восторгам.

– Видел, видел. Пообтесать её чуток...

– Вот уж не надо! – кричащим шёпотом прервал Бабухина Литиков. – Пусть остаётся, какая есть! Первозданная!

– Ты чего мелешь? Ей под тридцать, не меньше.

– Ну и что?!

– Втрескался, что ли?

– Может, и так. Хотя я всего лишь сказал, что она красавица.

– Зигзаг забубённого алкогольного сознания, – усмехнулся Бабухин. – Ты пережрал, говоря по-русски. Проспишься, глянешь на неё при свете дня... Хотя, согласен, она достаточно сексапильна.

– Дурак! Это утончённейший эротизм высокого полёта! Элегантнейший эротизм!
– Ничего, проспийся и начнёшь канючить: «Сестра, сестра сексуального милосердия...»

– Заглохни!

– Я тебя самого сейчас заглушу. И прекрати ворочаться! – И Бабухин двинул локтём Литикова, которого трепала, по всей видимости, вихреобразующая сила любви, не позволяя полномерно осесть на диванную поверхность.

Проснувшись утром, Бабухин и Литиков опохмелились. Не закусывая.

– А ты, скотина, меньше, чем я, пострадал, – недовольно заметил Бабухин.

– Да, – согласился Литиков. И добавил с необъяснимой печалью: – Даже для непогоды я менее интересен.

– Не понял, – покосился на него Бабухин.

– Татьяна, хозяйка, на тебя вчера смотрела, – грустно сказал Литиков.

– Что значит – смотрела?

– То и значит.

Литиков поднялся на ноги и заходил по комнате.

– Не слишком ли ты подвижен? – бросил ему Бабухин.

– В самый раз. Тем более если учесть, что находится в соседней комнате. Кто! А я и вообще – в самый раз. Мои пропорции ничуть не хуже твоих.

– Твои пропорции? – скривился в усмешке Бабухин.

– Да. И если меня снять в кино, то вполне можно представить меня едва ли не Гераклом. Жан Маре тоже небольшого роста.

– Здесь не кино. Поэтому снимать, – Бабухин подчеркнул это слово, – тебя никто не будет.

– Ты Татьяну имеешь в виду?

– И её тоже.

– Но почему?! – вскричал Литиков. – Я недурён! Я умён! В некоторой степени! – Литиков предупреждающе поднял руку. – По крайней мере, не глупее тебя. Тоже верхнее образование имею. Я нежный и ласковый. Женщина, говорят, любит ушами. Так вот, я, заметь, я, а не ты лапшу словес тончайших более способен производить. И хоть бы это было в первый раз! Нет, и эта пялится на тебя! Как жить? Как дальше жить?!

– Не паникуй, и тебе бабу найдём. У нас денег!.. Кстати, надо бы пересчитать их. Там десятки лимонов. Если не сотни. И красненькие, и зелень. Накупим водяры, шампани – пир устроим. Выбирай любую. Уверен, есть народишко тут, есть!

– Да не получается любую! – всплеснул руками Литиков. – Я выбрал – и что? На тебя смотрела! Как будто я – пустое место!

– Не переживай – ещё ничего не ясно.

– Да уже всё просёк я, – отмахнулся Литиков и сел на табурет, обхватив голову руками. – Я всё просёк!

– Глянешь на неё при дневном-то освещении и поймёшь, что не стоит она твоих переживаний, – сделал новую попытку успокоить товарища Бабухин. – Наливай давай, выпьем.

– Увы. Хоть сколько гляди – всё одно.

Получив от Литикова стакан с водкой, Бабухин выпил залпом, устроился поудобнее на диване и принял благодушно-философский вид. После паузы заговорил:

– Послушай, Мишка, меня. Я тебе вот что скажу. Такова жизнь. Точнее, такова сексуальная культура народов мира. Женский аспект этой культуры. Женщина, я тебе сейчас объясню, принимает, вбирает, заглатывает. А человек жаден. Женщина – часть человечества. Согласись, это так. Человеку надо много. И – сразу. А глотать червячков...

– Я – червяк?! – опешил Литиков.

– Я образно говорю.

– Ты говори, говори, да не заговаривайся!

– Ты нарваться хочешь – угрожаешь?

– Продолжай, – буркнул Литиков.

– Да, в общем-то, всё. Женщина – это не птичка. Да. Вот это я и хотел сказать. Женщина – хищник, скорее. Как и человек вообще. Лежит два куска, большой и маленький, – который выбрать?

– Мужчина – не кусок мяса.

– Возможно. Но пойди и докажи.

– И пойду! – востропел Литиков. – Пойду, пока ты тут...

И он, не договорив, выскочил из комнаты. Оказавшись в прихожей, Литиков оробел. Увидав зеркало над умывальником, подскочил к нему, однако тотчас и попятился. Зеркало – это не то, что ему сейчас нужно. Он ещё, кажется, не глянул в него, а всклоченная голова и красные обмороженные щёки шарахнули по глазам. Литиков пальцами расчесал волосы, ладонями пригладил их и постучал в дверь комнаты, в которой находилась хозяйка.

– Да, войдите, – после паузы ответил женский голос.

Литиков вошёл.

– Доброе утро, барышня. Я пришёл поблагодарить вас за приют. Я и мой друг никогда не забудем вашей доброты. Спасительница! Вы наша спасительница!

Произнося благодарственную речь, Литиков красиво, как ему казалось, жестикулировал правой рукой и переминался с ноги на ногу. На кровать, где лежала Татьяна, он старался не глядеть. Когда же он всё-таки посмотрел Татьяне в лицо, то встретился с недовольным взглядом её припухших со сна глаз.

– Я спать хочу, – тяжело выдохнула Татьяна и отвернулась к стене. – Подняли среди ночи... А теперь им «доброе утро» подавай. А мы тоже люди, хоть и в деревне.

Открылась дверь, ударив Литикова по спине, и вошел Бабухин.

– Привет, красотка! – пробасил он. – Как насчёт завтрака? Не покормишь нас? Платим валютой. Кстати, за ночлег с нас сотен этак несколько. Очень благодарны.

Татьяна села в кровати, прикрывшись одеялом.

– А откуда у вас столько денег? – спросила почти равнодушно.

– В спортлото выиграли, – ответил Бабухин весело. – Да. Такие вот мы везунчики. Сегодня будем праздновать. Так что приглашай общество.

– Какое общество?

– Местное общество. То есть всех дам от шестнадцати и до... – Бабухин повернулся к Литикову. – Ты дам какого возраста предпочитаешь?

– Я тебе уже говорил, – проворчал Литиков.

– Ах да, до пятидесяти. Значит, от шестнадцати и до пятидесяти. Договорились, хозяйка? Все расходы берём на себя.хлопоты оплачиваем тройным тарифом. Возьми себе помощников и – в магазин. Водка, шампанское, коньяк – по ящику, по два, в общем, сколько надо. Лучше переесть, чем недоспать. Я бы и Мишеньку нашего дорогого командировал, но он, болезный, сегодня не в форме.

– Кто ты такой, чтоб командировать? – заерепенился Литиков. – Между нами отношений подчинённости не существует!

– Я говорю, что попросил бы тебя помочь уважаемой хозяйке, – с улыбкой уточнил Бабухин.

– Ты толковал про «командировать». И вошёл без стука! И ведёшь себя хамски! – всё более заводился Литиков. Даже начал чуть подпрыгивать на месте. – Ты позволяешь себе «тыкать» малознакомой даме, которая...

– Да ничего страшного, – вмешалась Татьяна.

– Нет! – решительно не согласился Литиков. – Я не могу позволить, когда в моём присутствии...

– Ну так выйди, – ухмыльнулся Бабухин, затем сгрёб Литикова в охапку и вытолкнул его за дверь.

Однако Литиков тотчас ворвался обратно и попытался заехать кулаком Бабухину в физиономию.

– На!

– Стоп-стоп! – Бабухин увернулся, потом бросил ладонь левой руки на голову Литикова, пригнул её и указательным пальцем правой щёлкнул Литикова по подмороженному уху. – Зю! Получи зю! И не нервничай, дружище! – добавил уже спокойно.

Литиков взвыл от боли, постоял, зажмурившись и постанывая, потом отскочил в сторону и вонзил в Бабухина полный ярости взгляд.

– Ну, держите меня! – взвизгнул он, готовясь ринуться в смертельную схватку. – Ну, гад!

– Прекратите сейчас же! – вскрикнула Татьяна и соскочила с кровати. – Прекратите! – Она подбежала к Литикову и ухватила его обеими руками за плечи. – Ещё драк мне тут не хватало!

Литиков замер, остолбенел. Он не мог не остолбенеть, потому как Татьяна была в прозрачной ночнушке, не способной укрыть изумительные полусферы грудей с двумя бугорками сосков. И двумя кружочками вокруг тех бугорков. Литиков мог бы закатить глаза кверху и упасть в обморок. Если бы сумел оторвать взгляд от прелестей Татьяны.

Женщина почувствовала неловкость.

– Уходите, мне надо одеться! – бросила она и юркнула в кровать, укрылась одеялом.

Но Литиков не способен был двигаться. Ночнушка Татьяны оказалась очень короткой, движения женщины не очень точны, поэтому впечатления Литикова скакнули на ступеньку, располагавшуюся на порядок выше.

И даже Бабухин эмоционально крякнул:

– Да-а!

– Вон отсюда! – рассердилась Татьяна.

– Пошли, Мишка. Не будем смущать нашу хозяйку, – похлопал Бабухин по плечу Литикова и подтолкнул к двери.

За дверью Бабухин и Литиков некоторое время молча разглядывали друг друга, потом Бабухин улыбнулся дружелюбно и протянул Литикову руку. Вздохнув, Литиков пожал её.

Сосчитав деньги, Бабухин и Литиков едва умом не тронулись. Шестьдесят восемь тысяч долларов с тремя или четырьмя сотнями и почти пять миллионов в рублях! Едва восторги чуть поутихли, Литиков схватил пару сотысячных и помчался в магазин – не ждать же, пока там эта Татьяна развернётся. Бабухин, не отменяя ранее анонсированное «празднование», попросил хозяйку соорудить закусочку.

Когда Литиков возвратился, пригласили Татьяну и отметили удачу. Выпив и закусив, Литиков мог быть вполне доволен жизнью, однако он, словно чего-то ему не доставало, постоянно крутил головой по сторонам. Его глаза, будто бы, пытались что-то отыскать в окружающей обстановке. Но, по-видимому, не находили, и потому становились всё более внимательными к мельчайшим наслоениям настоящего на исключительно свеженькое сверхудачливое прошлое.

– Ты кто? – вскричал он, заметив мужика, немолодого и мрачного, застывшего на фоне входной двери.

– Космонавт, – прозвучало от двери.

– Кто? Алконавт? – сощурился Литиков.

– Космонавт.

Литиков, расплывшись в улыбке, повернулся к Бабухину и Татьяне.

– Слыхали? Космонавт! Танюша, ответь, пожалуйста, что там такое у дверей, а то я, честно, не копенгаген.

– Космонавт, – ответила Татьяна. – А что? Космонавтов никогда не видали?

Литиков, проморгавшись, всмотрелся в лицо Татьяны. Если бы он был трезв, то совершенно определённо решил бы, что она не шутит.

– Космонавты в деревнях не водятся, – улыбнулся он многозначительно.

– В других. А в нашей встречаются. – Татьяна была по-прежнему невозмутима. – Анатолий Петрович, проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

Анатолий Петрович приблизился к столу. С невесть откуда взявшимися стулом и гранёным двухсотграммовым стаканом в руках.

Литиков вновь заулыбался, кося полным значения взглядом на Бабухина. Но Бабухин не отозвался. Он разглядывал «космонавта».

– Простите, ваша фамилия?.. – Бабухин морщил лоб и выпячивал губы, словно был более чем близок к нащупыванию ответа на свой вопрос.

– Богатырёв, – ответил Анатолий Петрович и на миг изменился так, что, продлись этот миг на каких-нибудь полмига, образ этот его остался бы в памяти присутствующих навсегда. Но – не случилось. Невидимой волной с лица пришельца смахнуло это новое и особенное, на долю секунды возникшее, и вновь у стола оказался очень пожилой мужик со стулом, стаканом и предательски характеризующим вопросом: – Что пьёте? Водочку? Вижу, что не бор-мотвейн какой.

Следующий тост был за космонавтику, потом пили за погибших космонавтов. Богатырёв рассказывал о собственных и своих товарищей подвигах. Он то плакал, то рокотал гневным басом, был то льстив и заискивающ, то спесив и заносчив.

В час дня началось расширенное застолье. Подходили всё новые и новые гости. Гуляли почти до самого утра.

И следующий день существенных корректив в ход событий не внёс. Разве что Литиков сменил мотивацию пьянки, обнаружив, что Бабухин и Татьяна проявляют склонность к уединению.

А ближе к ночи, окончательно истерзанный горем, оказался он в доме незамужней продавщицы магазина Людмилы, где и заночевал.

Деревенская мафия шлёт гонца

Бабухин о многих породах собак и не слышал даже. Но карликового пуделя он знал. И он однажды наблюдал его побегу. В тот день Бабухин сидел на лавке неподалёку от пивного павильона и, безденежный, переполненный отрицательными эмоциями, с искренней злой тоской шарил вокруг себя красными похмельными глазами. Безотчётная надежда ещё теплилась где-то в недрах больного организма. Мимо прошла женщина со стриженной чёрного цвета собачкой, то и дело подпрыгивающей на бегу.

– Эй! Она у тебя больная, что ли? – крикнул Бабухин.

– Нет-нет! – откликнулась женщина, останавливаясь и поворачиваясь к нему. – Что вы! Нет же! Это же карликовый пудель, у него же, у этой породы, особенность такая – бег вприпрыжку. Он абсолютно здоров. Это мальчик. Все прививки – вовремя. И аппетит хороший...

– И стул, – прибавил Бабухин.

– Да-да, – смущённая его тоном, кивнула женщина и поспешила прочь, вслед за своим придурковатым кобельком.

Вот и эта Света напоминала того карликового пуделя, всё вертелась и как бы подпрыгивала. Натурально – карликовый пудель, только не чернявенькая, а рыжая. Но тоже кудрявая и стриженная. И не кобель, а сучка.

– Привет! – воскликнула вертлявенькая.

– Ну-ну! – мрачно отвечал Бабухин, продолжая сидеть на кровати.

Женщина не понравилась ему с первого взгляда. Когда-то, в той ещё, прежней, жизни, руководитель биоэнергетических курсов многословно и невразумительно толковал о приёмах мысленного создания вокруг себя защитных оболочек. «Козу рогатую» – ладонью вверх. И направить «рога» навстречу импульсам зла – это он бы ещё сумел. Но не теребить мозговые извилины, потя от неимоверного напряжения воли. Он выпростал руку из кармана, чтобы соорудить «козу», однако не успел – Света подскочила к кровати и, перегнувшись через лежащую рядом с Бабухиным Татьяну, протянула ему свою. Для рукопожатия. Бабухин хмыкнул и вяло пожал протянутую руку, не приподнявшись даже.

– Света.

– Очень приятно. Чем обязан?

– А я мимо проходила! – Света пожала плечами и подпрыгнула.

– Мимо? – усмехнулся Бабухин.

– Да. Мимо дома своей подруги. Таньки. Вот она. – И Света указала на Татьяну.

– Если «мимо», так и шла бы мимо, – мрачно усмехнулся Бабухин и принялся осторожно отворачиваться к стене – ему хотелось ещё вздремнуть. Хотя бы для того, чтобы заспать, пусть частично, головную боль.

– А у меня талант – попадать в нестандартные ситуации, – засмеялась Света. – Я пришла, а мне не рады. Но только не Танька. Она всегда мне рада. Да, Танька? – продолжала стрекотать Света. – А вы мне не рады. Но я знаю, почему. У вас плохое настроение. Всего лишь. А вчера и позавчера было хорошее. Я наслышана. Хотя всего час как из города приехала. Гостила у сестры.

Бабухин тяжело выдохнул воздух.

– Да я бы сейчас и ушла сразу бы, – поспешила сообщить Света, – но у меня к вам дело. А люди, кстати, которые пережили векторные отношения, не забывают их до конца жизни. А это же прекрасно.

– Какие отношения? – повернул голову Бабухин.

– Векторные.

– Это ещё что такое?

– А вы не знаете? – удивилась Света.

Бабухин продолжал хмуро её рассматривать.

– Да я и сама толком не знаю. Прочла где-то и запомнила. Векторные – это что-то такое... Ну, вроде как нестандарт какой. Избили, изнасиловали, обидели, деньги украли, трамваем переехали...

– И часто тебя насиловали? – перебил Бабухин, снова переворачиваясь на спину.

– Ой, вы такие вопросы задаёте! – взмахнула рукой Света и подпрыгнула.

– Что за дело-то, Светка? – напомнила Татьяна.

– Да-да, давай о деле, – поморщился Бабухин.

Сейчас уйдёт эта Светка, он вытащит из-под головы одну из двух подушек, на которых возлежит в данный момент, и завалится спать. Ну, или полежит немного неподвижно, глядя в белёный густо подсинённой известью потолок, да и уснёт.

– А приехала мафия и зовёт вас к себе, – сообщила Света.

– Это ещё кто такая? – проворчал Бабухин.

– Да бандиты же! Мафия!

– Какая мафия? Какие бандиты? – не понимал Бабухин.

– Какие! Которые держат нашу деревню.

– Держат? Деревню?!

– Ну. Держат или контролируют, как угодно.

Бабухин никак не мог прийти в себя. Идиотизм какой-то. «Бандиты контролируют деревню». Эту Богом забытую дыру. Малонаселённую плешь посреди дремучего леса.

– А чего вашу дыру контролировать? – изумился Бабухин.

– Да у нас же два фермера. И не совхоз, а ТОО. У каждого своя доля в бывшей общенародной, как говорится, собственности. И магазин и два киоска частных.

Во, времечко! Бабухин удивлённо мотал головой и усмехался.

– Так что мне им передать, простите, имени-отчества вашего не знаю? Вы на стрелку будете? Около свинофермы, где сейчас парк бэушных механизмов. Сегодня в пятнадцать ноль-ноль. Они подъедут со стороны магазина, а вы должны прибыть со стороны автостанции.

Бабухин смотрел на Свету, как на инопланетянку.

– А гляньте в окно, если не верите. Эй! Ну-ка! – Света подбежала к окну и отдёргнула занавеску.

Бабухин, миновав предупредительно поджавшую ноги Татьяну, сполз с кровати и приблизился к Свете. Затем нагнулся и посмотрел в окно. Посреди улицы стояла какая-то старуха и глядела на окна дома Татьяны. Бабухин бросил взгляд влево, потом вправо, однако больше никого не заметил. Повернулся к Свете.

– Что я должен увидеть? – спросил насмешливо. – Наблюдаю какую-то Марфу или Марью. Но не Мафию. Не встречал я старух с такими именами.

– Да нет, бабка Аня не из мафии. Ей велели только передать сведения о стрелке. И всё.

– Ты тут при чём?

– Тут всё просто. Бабка Аня задолжала Таньке. Ещё летом. Вот ей и неудобно заходить. Она и подловила меня. Ну, всё ясно?

– Сколько? – спросил Бабухин.

– Что сколько?

– Задолжала бабка Аня тебе сколько? – Бабухин повернулся к Татьяне.

– Да тридцать тысяч, кажется, – пожала плечами Татьяна и смущённо улыбнулась.

Бабухин выгреб из заднего кармана горсть купюр.

– Вот тебе пятьдесят, примерно, – выловил он пять десятитысячных из вороха мятых бумажек и протянул Татьяне. – С учётом инфляции. А ты, гражданка Света, дуй за бабкой и тащи её сюда.

Бабка Аня оказалась довольно древней, но явно не выжившей ещё из ума, остроглазой и достаточно подвижной.

Поздоровалась, прошла в комнату, села на предложенный ей Татьяной стул, сказала, обращаясь к Бабухину:

– Спасибо тебе, соколик, избавил старуху от ярма-то. А ты, Татьянка, – она, не поднимаясь со стула, развернулась к стоявшей у двери Татьяне, – уж прости меня, разруху прогнившую. Я ведь и так и эдак каждой месяц прикидывала, разбрасывала деньжонки – ан нет, всё не ложится, как надобно. Всё ведь эвон как вздорожало. Несёт и несёт, сладу никакого нету. Да ещё и задёжживают пенсию-то. Моду завели. И в газетах-то о том пишут, сама видала, а он, Бориска-то, и не читат их, как будто. Думат, видно, что ежели его старуха-мать померла, то и другим старикам и старухам заживаться не след.

– Давайте, бабуля, к делу, – остановил её Бабухин.

– А что за дело-то, соколик? – откликнулась бабка Аня. – Я ведь так поняла, что без возврата деньги-то дал.

– О деньгах этих уже забыли, бабка. Ты мне о стрелке расскажи.

– А, стрелка! Стрелкой-то они называют переговоры по-доброму. Чтобы дело какое сладить без мордобоя. Да ведь Светка, я так понимаю, всё уж обсказала. Так ли, нет?

– Что такое стрелка, нам, бабка, известно. И где и когда, тоже нам сообщили. Меня интересует, что это за типы, кто они и откуда. Чего они хотят, бабуля?

– Дак известно. Денег им надобно. Такой нонче порядок, – бабка Аня пожала плечами, – что ежели кто где уворует чего-нито, то должен с имя поделиться. Потому как – крыша. Так они называются. А не желаш делиться, пеняй на себя. И весь сказ.

– Серьёзный народ?

– Дак Валера-то, который единоличник, из дому вышел, в город, сказал, поеду, да и не вернулся. А весной-от прошлой и оттаял у дороги. Стрелили, видно, из ружья-то в спину да и бросили под кустики. А машину евонную по сю пору не сыскали.

– Те, которые тебя ко мне послали?

– Кто знат. Они ли, дружки ли ихие. За главного-то у них Чипа, но сам не маратся. Он велит, а они и делают, что он скажет. Чипа сам-то из Ольховки, сын Чипчикова, которого поездом зарезало. Он сызмалу всё тащил чего-нито. То варежки чьи упрёт, то деньги у матери потихоньку из карману вытащит. А когда уж в парнях ходил, то Верку-аптекарьшу обворовал, с которой они ещё со школы как мужик с бабою жили. Но теперя-то ему воровство без надобности. Он, сказывают, таки хоромы себе отстроил, что ого-го.

– Сколько их человек? – продолжал расспрашивать Бабухин.

– Да четыре. Один-то толстый такой, я его и ране видывала, а двое незнакомые. А ещё один – наш, Игорёк Дымков.

– За старшего кто?

– А толстый и есть за старшого. Андреем зовут. Суровый. Слова лишнего не скажет. И – в глаза не смотрит.

– Оружие у них имеется?

– Вот этого не скажу. Чего не знаю, того не знаю. Две сумки у них большие. Тяжёлые, видать. Игорёк-от нёс одну, так видать по ему было, что не пуховину каку тащит.

Вдруг бабка Аня испуганно всколыхнулась и вскричала:

– Ой, разболталась я! Ой-ё-ёшеньки! – И повернулась к Свете и Татьяне. – Вы уж, девоньки, не выдайте старую. Пристукнут, поди. Меня ведь ткни – и как не бывало старухи.

– Да не скажем, не скажем, бабка Аня, – заверила Света. – Не бойся.

– Спасибо, девоньки. Язык, что помело, без костей.

Бабухин долго молчал, потом встал, прошёлся по комнате и заявил:

– А вот мы сейчас, бабка, пойдём и потолкуем с ними.

Старуха всплеснула руками.

– Ой, так-то не по правилам, поди! Надобно на стрелку идти, чтобы толковать.

– Тебе-то, бабка, какое дело до их правил? – усмехнулся Бабухин.

– Так она же вместо телефона, – вмешалась в разговор Света. – Телефона раз нет, то её и послали. А вообще-то по телефону полагается созваниваться.

Бабухин вновь усмехнулся. Может быть, подумал он про себя, этим бандитам, чтобы уж совсем по понятиям, следовало сначала наезд осуществить, с пробивкой или без, а уж потом «созваниваться». Стрелку они назначили на три часа, а сейчас, Бабухин взглянул на часы, только девять. Время есть. Но как его использовать? «Девять!» – пронзило его, и Бабухин стремительно повернулся.

– Бабка Аня, а что они сейчас делают? – спросил он, хитро прищурившись.

– Дак спят, – развела руками старушка. – Время-то ещё какое. А задание мне с вечеру было дано. Чтоб поутру – и к вам.

Бабухин заулыбался.

– Вставать им не пора ли?

– Рано. Они ведь уgomонились только в третьем.

– Пили?

– Не без этого. И – хорошо, крепко. И мне поднесли.

– А где ты живёшь, бабка?

– А на том берегу, наискось, дом с зелёными наличниками. Берёза под окном ещё, – пояснила баба Аня. И вдруг встревожилась: – А ты чего удумал?

Бабухин не ответил. Он мощно заходил, почти забегал по комнате, собираясь. Женщины наблюдали за ним, обуреваемые противоречивыми чувствами. Возраст юношеского всемогущества вернулся к Бабухину, напав на каждую клетку его организма отвагой и силой. Ему бы сейчас с десятков аммонитовых шашек, гранатомёт или хотя бы «Штази» или «Калашникова».

Стремительно соскальзываемый с барабана лебёдки воображения упругий канат мыслей ложился пластичными узорами вязки. И Бабухин уже видел вытряхиваемые из постели вялые тела врагов с сонно-испуганными рожами. И не нужны ему гранатомёты. Величайшая трансформация уже свершилась: его физическое тело теперь и не тело брэнное, а – НЕЧТО, недоступное смерти телесной, способное поразить неуязвимостью самого дьявола.

Конечно, многострунный внутренний голос цедил – довольно, впрочем, жиденькой струйкой – и иными, тревожными, нотками, однако они терялись на фоне масштабности замысла, противного скуке режима реального времени.

Бабухин ногой распахнул дверь и ворвался в прихожую дома бабки Ани. В прихожей, представшей его глазам, было пусто, он глянул влево – никого, если только за печкой кто притаился. В несколько шагов Бабухин пересёк прихожую и оказался в горнице.

И остолбенел. На стуле возле стола, лицом к нему, сидел здоровенный тип, одноглазо и холодно уставившись на него дулом пистолета. Вычурная лепнина вдохновенно выстроенных образов триумфа осыпалась с лёгкостью необыкновенной, пылью взметнув нечленораздельную взвесь каких-то слов и обрывков мыслей.

– Входите, сударь. Будьте как дома, – насмешливо сказал «одноглазый».

– Да не забывайте, что в гостях, ха-ха-ха! – заржал кто-то слева.

Бабухин повернул голову. Слева от него стоял высокий светловолосый парень, тоже вооружённый пистолетом.

– Проходи, скромняга, – вновь заговорил первый. – Только ножичек брось на пол. Чего топчешься-то у порога? Кстати, вошедший здоровается первым, – добавил назидательно.

– Заткнись, кабысдох! – огрызнулся Бабухин, швырнул на пол нож и прошёл к свободному стулу, стоящему справа от стола. Сел. Жаль, что пистолет он потерял. Хоть и газовый, а сгодился б.

Теперь он увидел, что в дверях стоит третий. Лицо кавказской национальности.

– Мы думали, до трёх часов будем маяться, ожидая приятного знакомства, а оно, вишь, как вышло-то. Сподобились досрочно. Очень приятно, рады, рады познакомиться, сударь, – ворковал первый, по всей видимости, тот самый «толстый», «старшой».

– Да заткнись ты! Голова уже болит от тебя! – раздражённо сказал Бабухин, хотя голова у него уже и не болела, а просто мрачные мысли серым туманом наполнили её до отказа. – Меня бесит твой дебильский голосок. Бесит, понимаешь?! Говори, чего надо, и я сваливаю!

– А ты не знаешь, что ли?

– Сколько?

– Чего сколько?

– Процентов сколько?

– Проценты? – удивлённо приподнялся со стула бандит. – Да ты в уме ли, парниша? О процентах мы на стрелке толковать собирались.

– Не по-нял, – раздельно произнёс Бабухин.

– Все.

– Что – все?

– Ты отдашь нам все деньги, – жёстким дискантом отчеканил бандит.

– Да ты, смотрю, губу-то раскатал дальше некуда, – насмешливо уставился на него Бабухин.

– Ты отдашь все деньги, парниша. Понял? Не понял – поймёшь. Лёма, – обратился он к кавказцу, – пойдёшь закрой ставни.

– Ситавни? Я знаю, что такой ситавни? – спросил Лёма, вытаращив глаза.

– Окна, с наружной стороны окна ими закрываются. Замки там, на столе, в той комнате.

– А пачиму я? Я балной – я закирываю. Пачиму всё я? Пускай Лёшка закиривай.

– Алексей, иди закрой сам, этот развоняется на полчаса, – поморщился главарь.

Алексей выругался и вышел из комнаты.

– Эй, пушка давай! – крикнул ему вслед Лёма.

– Щас! – огрызнулся из прихожей Алексей и загремел замками. И ушёл, хлопнув дверью.

– К чему бы это? – полюбопытствовал Бабухин, с усмешкой глянув на главного бандита.

– Что?

– Ставни, например.

– А не догадываешься? Впаяем тебе срок до самого до пока не сознаешься, где денюжки лежат. Вы, рассказывают, куда-то их припрятали. Врубаешься? Бабка у соседей поживёт. Допрашивать будем, сам понимаешь, с пристрастием. Цель оправдывает средства. А можно сказать: средства оправдывают средства. Те средства денежные, которые ты с другом со своим умыкнул и припрятал.

– Хорош трепаться! – перебил Бабухин, вспомнив, что забыл сигареты. – Дай лучше закурить.

– Подумать хочешь? – скривился в усмешке бандит, выбрасывая на стол пачку сигарет. – А думать не о чём. Отдай нам, сударь, денюжки и – свободен. За хорошее поведение – ящик водки.

– На двоих? – улыбнулся Бабухин.

– Уговорил, ещё ящик «мерзавчиков» вам... Учитывая габариты твоего подельника. Пятнадцать литров – хорошая цифра. Особенно, если её умножить на количество, совокупное, градусов, – издевался вооружённый преступник. – Возможно, будет даже больше, чем денег от вас получим.

– В чужой бутылке градус не считают, Андрюша, – сказал Бабухин. Чтобы только не молчать. Ему необходимо было срочно что-то придумать.

– Откуда знаешь, как зовут меня?

Бабухин не ответил. Ему надо было найти выход. С улицы доносился шум управлявшегося со ставнями Алексея. А в голове Бабухина ни звука. Ни единого звука дельной мысли. Состояние, близкое к отчаянию.

В это время Андрей обернулся к окну.

– Проклятая старуха, – пробормотал он.

И Бабухин также услышал возмущённый голос бабки Ани, но слов разобрать не мог. Спустя полминуты бабка Аня уже была в комнате.

– Вы чего удумали, окаянные?! – закричала, подступая к бандиту Андрею. – А ну шас и вели прекратить эти безобразия. Ставни, вишь, закрывать! А чего я людям скажу, подумали?! –

– Платим, бабуля, в двойном размере, успокойся.

– Я тебе успокоюсь! Ишь, успокаиватель выискался! А ну шас же!..

Бабка Аня принялась тыкать Андрея кулачком в грудь. Андрей левой рукою – правую, сжимавшую пистолет, он заблаговременно убрал в карман куртки – пытался защищаться, но старушка оказалась на удивление проворной и многие тычки, вероятно, болезненные, достигали цели. Андрей морщился, наливаясь злобой, вот-вот готовый, кажется, садануть старухе кулачищем по рёбрам.

Бабухин стремительно вскочил и, подлетев к Андрею, обрушил сильнейший удар на нижнюю челюсть бандита. Однако Андрей, прошедший тренинг у бабки Ани, успел нагнуть голову, в результате чего – да и бабка мешалась – кулак Бабухина, скользя по подбородку, пришёлся на область ключицы. Андрей взвыл. Бабухин отпихнул бабку Аню и вновь ударил попытавшегося подняться на ноги Андрея. На этот раз кулак Бабухина с огромной силой впечатался в хрупкую конструкцию носа. Из обеих ноздрей Андрея хлынула кровь. Однако раненный каким-то образом сумел взметнуть правую ногу, ударив Бабухина прямо в пах. Бабухин, зарывшись, согнулся пополам.

Если бы Лёма, став свидетелем потасовки, бросился на помощь Андрею, то тут с Бабухиным, выведенным из равновесия удачным ударом в пах, было бы покончено. Но, ошеломлённый дерзостью Бабухина, Лёма убежал звать на помощь Алексея.

– Я гаварыл или ни гаварыл: давай пушка?! – заорал он на товарища, безумно вращая глазами.

– Что такое?! – оцепенел Алексей.

– Я гаварыл тибэ: давай писталэт! – взмахнул рукой Лёма.

– Да что случилось?! –

– Эта звэр рэшил убиват наш Андрюша!

– Ну!!!

– Андрюша, навэрна, уже нэ живёт.

– А пистолет у кого?

– У звэр, навэрна.

– Так у зверя или нет?! – в отчаянии выкрикнул Алексей.

Лёма посмотрел на часы.

– Типэр – у звэр. Точно! – сказал с паническими нотками в голосе.

Алексей метнулся в сторону и прижался спиной к бревенчатому фасаду дома, на ходу выуживая из кармана пистолет.

– Надо выручать шефа! – перешёл он на шёпот.

Лёма тоже прижался к стене, чтобы не стать мишенью для «зверя». Лицо его стало скучно-грустным.

– Мы – выручат?

– Нас же порешат, если что! – кричащим шёпотом почти что завопил Алексей.

– Я магу дамой ехат, – ответил Лёма и поджал губы.

– Я тебя сам замочу! – встряхнул Алексей оружием.

– Пушка у тебя. Давай! Я буду прикрывать.
Алексей скрипнул зубами, но ничего не ответил.

«Пожми руку старому другу»

Литиков возвращался от Людмилы. В пресквернейшем расположении духа. Правда, Людмила подарила ему забавный рекламный плакат, который она летом, когда ездила к родственникам, содрала со стенки вагона в метро. Это была реклама гутталакса. Был изображён смывной бачок, цепь, спускающаяся из него, и ручка. «Пожми руку старому другу», – призывал плакат крупными буквами. И помельче:

Гутталакс – безопасный и надёжный препарат
с мягким слабительным эффектом
и нейтральным вкусом.
Гутталакс – с облегчением Вас!

Людмила говорит, что рядом с этим плакатиком находилась реклама средства от поноса, которую она забыла у родственников. Жаль.

– Парень, иди сюда! – услышал Литиков и остановился.

И увидел двух субъектов, прижавшихся к деревянному домику, два окна которого были закрыты ставнями. У одного из субъектов в руке Литиков обнаружил пистолет.

– Что надо? – спросил Литиков и оглянулся по сторонам. Ему захотелось удрать, но он резонно рассудил, что пуля догонит его в два счёта. И даже быстрее.

– Памаги! Нада! – зашептал тот, что был без пистолета. – Вазмём – награда получат будиш.

– Бандита, что ли?

– Да-да, бандыта! Звэр-бандыта!

Второй нетерпеливо махнул дулом пистолета.

– Давай! Тыходишь как ни в чём не бывало, а мы – за тобой. Давай-давай!

Литиков пожал плечами и направился к крыльцу, не уверенный, что поступает правильно.

А Бабухин и Андрей в это время, увлечённые схваткой, то метались по дому, то катались по полу, осыпая друг друга глухими ударами, рыча, хрипя, матерясь и охая. Бабка Аня, неоднократно опрокинутая в результате столкновений то с одним, то с другим из бойцов, взобралась, наконец, на печку и там затаилась, шепча молитвы.

– В фуфайке! – услышал остановившийся у порога Литиков выкрикнутое ему прямо в ухо.

И в полумраке прихожей разглядел, что тот, что в тёмной фуфайке, сидит на ком-то, лежащем на спине и дрыгающем ногами. И молотит кулачищами, словно пыль выбивает из перины. Тут будто что-то толкнуло Литикова вперёд (а может, его и действительно подтолкнули) – он подбежал к работающему кулаками бандюге и обхватил того правой рукой за горло. И повалился назад. Спустя какое-то время Литиков понял, что можно уже ослабить хватку.

Когда он поднялся на ноги, то был безмерно поражён не тем, что на бандите в фуфайке сидят двое, работающих яростно руками, а третий «окучивает» лежащего ногами, а тем, что в бандите в фуфайке он узнал Бабухина. Это что же получается? Этот вопрос, родившийся в его голове, отчаянно пульсировал, однако ответа на него не обнаруживалось. Только неясное чувство вины вдруг наполнило всё существо Литикова.

Наконец один из «окучивателей» повернулся к Литикову и бросил:

– Свабоден, драгой.

– А... – произнёс Литиков и растерянно смолк.

– Ах да, благодарим за службу. Будешь в магазине, купи себе мороженку, – рассмеялся второй. Тот, который был с оружием.

Литиков взглянул на распластанного на полу Бабухина и увидел, что тот смотрит на него единственным не заплывшим окончательно глазом с ненавистью и презрением. И беззвучно шевелит губами.

– А-а-а! – завопил Литиков и бросился на ближайшего из обидчиков, однако его, ослабленного чувством вины, без особого труда вышвырнули на улицу.

По тропинке, неровно пересекающей реку, Литиков семеняще бежал к дому Татьяны, а в голове крутилась идиотская фраза с рекламного плаката: «Пожми руку старому другу».

– Пожми руку старому другу! Пожми руку старому другу! – с этими криками Литиков вбежал в дом Татьяны.

– Да что стряслось-то? Ты спятил? – испуганная его воплями, спросила Татьяна.

– Его взяли! Господи! Его взяли!

– Кого? Кто взял?

– Пашку!

– Как взяли? Кто взял? – не понимала Татьяна.

– Не знаю! Менты, наверно! Или бандиты! – Литиков бегал по комнатам и размахивал руками. Вид он имел безумный.

– Не может быть! Да откуда ты знаешь?

– Откуда! Я сам если им помогал! Откуда!

– Ты что несёшь? – Татьяне уже начинало казаться, что и она вот-вот сойдёт с ума и присоединится к Литикову.

Затем Татьяна и немного успокоившийся Литиков строили планы вызволения Бабухина. Литикова постоянно заносило, но всякий раз, натолкнувшись на холодный, трезвый взгляд Татьяны, он умолкал. Наконец он не выдержал и закричал:

– Я подожгу бабкину фатеру, и они все повыскакивают, как тараканы!

– А он? – спросила Татьяна. – Он, вероятно, связан. По рукам и ногам.

– Я брошусь в огнедышащее пламя и спасу его! – заявил Литиков и стукнул кулаком по столу.

– Сколько в тебе весу и сколько в нём, подумай.

– Хорошо, предлагай ты. Давай! – Литиков пожал плечами, вскочил со стула и, пробежавшись по комнате, снова сел. – Предлагай, а я всё сделаю. Всё, что прикажешь. Приказ женщины – закон для подчинённого.

– У нас мало информации, – задумчиво проговорила Татьяна.

– О! Оперативное внедрение. Подошёл к ним своего человека. Постоянный мониторинг ситуации. Это же необходимейший элемент любого дела! Если бы мы с Пашкой действовали наобум, разве ж мы взяли бы столько денег? А вот если...

– Эй, уймись! – остановила его Татьяна. – Знаем, сколько вы мониторинга заглотили, сколько вы его выжрали перед тем, как в ресторан попёрлись.

Литиков смутился.

– Да-да, – забормотал он, – это не тот случай, это я неудачно привёл пример. Просто хотел сказать, что мы ведь с Пашкой...

– Что вы большие друзья и за вашими плечами масса хитроумнейших комбинаций, – язвительно закончила за него Татьяна. – Да вы уже запились оба. То в носках идёте вагоны грабить, то друг друга вяжете и сдаёте бандитам. Проквасили мозги уже окончательно.

– Ну, насчёт «сдаёте»... Я же, Танюша, рассказывал, как всё вышло-то. Я шёл по тропинке...

– В рассуждении чего бы выпить и какой подвиг совершить, – вновь съязвила Татьяна. Литиков сделался печальным.

– Танюша, а я ведь люблю тебя, – проговорил он проникновенно. – Всей душой. До безумия!

– А вчера ты отправился к Людке, чтобы рассказать ей о своей безумной любви ко мне? Так я понимаю?

– Ты меня не понимаешь, Танюша, – вздохнул Литиков. – Ведь любовь, весь этот мир её не втиснешь в какую-нибудь формулу одну. Не одну доску испишешь, пока чего-то там проклонется. И всё равно математика бессильной может оказаться. И у меня такой случай. Высокие температуры и агрессивные среды. Результат – эта вот моя любовь, оплавленная, травленая... И по цвету, тебе кажется, на любовь не похожая. А я ведь умереть готов за неё, за любовь, – снова вздохнул Литиков и понизил голос до шёпота. – Я друга, Танюша, готов предать.

– Друга предать? Это какого друга? – спросила Татьяна.

– А вот хоть Пашку. Берём с тобой деньги и сматываемся. Начнём жизнь сначала! Я брошу пить! – Литиков посмотрел на сигарету, затянулся и ткнул её в пепельницу. – Я курить брошу! Зарядку буду по утрам делать, продукты из магазина сам таскать! Стирать могу, готовить что попроще!

Говоря всё это, Литиков не смотрел на Татьяну, боялся. Окатит презрением. Или ударит даже. Надо спешить, чтобы сказать как можно больше.

– Я не только бывший интеллигент, у меня умелые руки! – Литиков опасливо поднял на Татьяну взгляд. – Я же!.. – Литиков запнулся. Что это? Он увидел свет радости в глазах Татьяны. Да что глаза – всё лицо её сияло. – Ты... согласна?

Он не верил своим глазам.

– Это надо обдумать. А? – Татьяна радостно потёрла руки и поднялась со стула. Литиков с опаской следил за нею. Потирает руки. А может, она бить его собирается? – Забираем деньги и сматываемся? – переспросила Татьяна. – А Паша?

– Может быть, судьба будет к нему... – пожал плечами Литиков, но закончить не успел.

– Гениально! – выкрикнула Татьяна и хлопнула кое-как успевшего зажмуриться Литикова по плечу. – И ни минуты промедления! Собирайся!

Литиков вскочил на ноги, запрыгал в восторге, потом бросился обнимать Татьяну, однако та, погрузившись вдруг в задумчивость, отстранилась от него.

– Слюней и соплей не надо. К делу! Всё должно выглядеть натуральным образом. Понял? – Татьяна посмотрела на Литикова с сомнением. – Почему же ты такой плюгавенький-то?

Литиков развёл руками. Смущённая и счастливая улыбка гуляла по его лицу.

– Ты не пожалеешь, дорогая. Твой выбор...

– Если всё получится, – перебила Татьяна. – Нужен свидетель, который донесёт и разнесёт.

– Что?

– Так-так-так! – Татьяна, размышляя, потёрла лоб. – Думаю, Светка справится как нельзя лучше. Но её нет и нет. Хотя и обещала вернуться. Ладно, раздевайся и в постель, быстро!

– В постель?

Татьяна подошла к кровати и сдёрнула покрывало.

– Всё равно пора менять.

– В твою? – Литиков уже был наверху блаженства. Он сбросил куртку, рубаху. Очень быстро. Сбой произошёл лишь при высвобождении из брюк: нога зацепилась – упал. – А ты? – спросил с замиранием, выглядывая из-под одеяла.

Татьяна расхаживала по комнате, задумчивая.

– Да-да, ты прав. Я тоже должна выглядеть натурально, – кивнула она и, подойдя к шкафу, сбросила платье и накинула халат. Потом сняла колготки, трусики, бюстгальтер, сунула всё это в шкаф. Растрепала волосы. – Надо ещё косметику смыть.

И, на ходу застёгивая халат, пошла из комнаты. Литиков успел заметить грудь со светло-коричневым соском и левое бедро, тронутое сверху русыми кудряшками. Господи, у него же никогда не было таких красивых женщин! Да у него вообще не было красивых женщин! Всё что-то средненькое, а то и того хуже. Порой приятное, но не опьяняющее, не завораживающее, не лишающее ума и трезвого (в меру, конечно, употреблённого спиртного) расчёта.

Хотя нет. Вера. Он раздел её, вяло лежавшую на тахте, и залюбовался. Как произведением искусства. И оказался слаб как мужчина. Желание ушло. А она лежала, снисходительно-равнодушная, холёная. Ждала. А света и красоты было много, слишком много. Раньше он и не предполагал, что подобное возможно. И он вспомнил тот, давний, позор и похолодел. А вдруг?!

Нет, не может быть! Сейчас его тело переполнено жаром здоровой плоти, индикатором которой является... Да-да, всё в порядке. Литиков вертелся в постели, то ощупывая самого себя, то взбивая подушки и поправляя одеяло.

Литиков жарился на костре желания, когда Татьяна вернулась и присела к столу, в задумчивости подпёрла рукой подбородок.

– Танюша, – позвал её Литиков, – я жду.

– Да, подождём, – ответила Татьяна. – Она всё равно заявится. Не она, так кто-нибудь другой. Но лучше, если бы она.

– Танюшка, давай здесь будем ждать, на кровати! – взмолился Литиков. – Иди же ко мне, моя цыпка! Цып-цып-цып, лапушка!

– Цыпка? Да ты спятил! – Татьяна смотрела на него, как на идиота. И вдруг залилась смехом. – Так ты не врубился? Ха-ха-ха! Мы же понарошку. Ну и дурачок! Мы изображаем любовь, а потом сматываемся. Как будто. И зачем им тогда Павел? Ну? А он им в таком случае и не нужен. Понял? И они отпускают его. Денег у него раз нет. Он сам – жертва. Они вынуждены будут гоняться за нами. Раз деньги у нас. Понял теперь?

Литиков весь обмяк и осел, как вскипевшая каша в кастрюле, с которой сбросили крышку.

– Эй! – Татьяна с тревогой посмотрела на бледного, полуживого трагика в постели. – Да ты не раскисай до такой степени. Ты же всё дело испортишь. На тебе же лица нет. А тебе, может быть, через минуту играть счастливого влюблённого. Мишка! Ты слышишь меня?

– Да, я слышу, – завершенно отозвался Литиков.

– О-о-о! – вздохнула-простонала Татьяна. Она поднялась и подошла к кровати, присела рядом с Литиковым. – Ты хочешь, чтобы я поцеловала тебя?

– Да.

– В щёчку?

– Нет. В губки.

– Ну, маленький, где наши губки? Да ты, никак, плачешь. Не плачь. Хочешь, я тебе сказку расскажу?

– Ты поцеловать меня обещала.

– И поцелую, маленькая моя. Где наши губки? А, вот они наши губки на небритой рожице. Ты почему, маленькая моя, не побрился ещё?

– Я не успел.

– Не успел? Ну, ничего. Какие наши годы.

Татьяна нагнулась и поцеловала Литикова.

– А ещё?

– Ну давай ещё раз поцелую. Эй! – Татьяна вновь нагнулась к Литикову и поцеловала его в губы, несколько продолжительней, чем в первый раз. – Ну, маленькая моя, ещё хочешь? Давай ещё раз. А ты будешь умничкой. Да?

– Да, – со вздохом ответил Литиков и попросил: – А можно обнять?

– Обними, маленькая моя.

Татьяна прижалась к Литикову.

– Без халата бы... – провздыхал Литиков, обнимая женщину.

– Нет-нет, как-нибудь в другой раз, – торопливо отвергла его просьбу Татьяна, отстраняясь и прикрывая рукой наглядно проявившиеся бугорки, образовавшиеся в результате неожиданно набухших сосков её груди. – Давай поцелую тебя в последний раз и будем готовиться к отъезду. Я сама всё соберу, а ты лежи, входи в роль счастливого влюблённого. Хорошо, маленький?

– Хорошо.

Татьяна поцеловала Литикова, погладила его по голове, улыбнулась нежно и ободряюще.

– Будь умничкой.

Когда заявила Света – а она всё-таки заявила, – Татьяна встретила её надлежащим образом (открыла дверь, застёгивая пуговицы халата, томная) и искусно «проворонила» момент, как Света вошла в комнату, где тосковал и печалился в постели Татьяны Литиков.

– Ой, туда нельзя! – крикнула «запоздало» Татьяна и поспешила следом за Светой.

Света растерянно разглядывала лежащего на кровати Литикова.

– Это как надо понимать? А, мать? – Света оглянулась на смущённо потупившуюся Татьяну. – В твоей постели лежит мужик и...

– Да перестань ты, что ты, в самом деле! – забормотала Татьяна не без робкого возмущения. – Моралистка, тоже мне, выискалась. Мы с Мишенькой любим друг друга и, если хочешь, нам дела нет до всяких там пересудов. Да, нет дела. И перестань таращить глаза.

– Но ещё сегодня утром на этой кровати сидел... – удивлялась Света.

– Ладно, хватит! – перебила Татьяна. – Мало ли кто где сидел.

– Но, мать, в уме ли ты? Да что ты в этом дохленьком алкашике нашла? Ну, вы, ребята, даёте! Отказываюсь тебя понимать, подружка.

– Перестань, Светка. Ты ведь ничего не знаешь. Мужские достоинства ведь не всегда обнаруживаются невооружённым глазом. А когда мужчину поближе узнаешь...

– Ты надела очки, взяла бинокль, он разделся, и ты обнаружила?

– Всё-всё, хватит! – замахала руками Татьяна. – Если не прекратишь сейчас, я тебя выгоню. Мишенька, лапонька, не обращай на неё внимания. – Татьяна под села к Литикову и поцеловала его. – Ты ведь знаешь, на дураков не обижаются. И – дур. Да, лапонька?

– Да. Но я попросил бы оградить!.. – обиженно и капризно ответил Литиков.

– Ну-ну, не обращай внимания.

– Не обращай внимания, – передразнила Света. – А ты, подружка, знаешь, где он ночь провёл?

– А вот это тебя уже не касается! – отрезала Татьяна.

– Ясно. Понятно, – заключила Света и помолчала. – Ладно, слушай ещё одну новость. Твоего, или чей он там сейчас, не знаю, Пашу взяли в оборот чипинские.

– Знаю уже, – спокойно ответила Татьяна.

– И что?

– А ничего. Пускай сам выпутывается. Не маленький. Я ему не нянька.

– Но ты вроде как... Ах да. Ну-ну.

Света наморщила лоб. Она была в затруднении. Она ожидала всего чего угодно, но такой оборот дела совершенно лишил её равновесия.

– Чаю будешь? – спросила её Татьяна.

– Чаю? Выпью.

– Пойдём на кухню, а то Мишенька, может быть, вставать захочет, – подхватила хозяйка подругу под руку. И – Литикову: – Вставай, наверно, лапонька, чайку выпьем. И перекусим. Да?

– А что это у тебя чемодан посреди комнаты? – выходя, бросила через плечо Света.

Татьяна не ответила. Словно не расслышала. Света остановилась.

– Чемодан – чего, говорю?

– А, чемодан! – воскликнула Татьяна. – А что чемодан?

Она подхватила чемодан и отнесла его в угол. Света с подозрением покосилась на словно бы изрядно смутившуюся подругу, вновь наморщила лоб и вышла из комнаты.

Сидя за столом, Татьяна и Литиков оказывали друг другу всяческие знаки внимания, как бы забывая время от времени о присутствии постороннего человека. Литиков, немного оправившийся от перенесённого в недавнем прошлом потрясения, расстегнул у сидевшей рядом с ним Татьяны две пуговицы, нижние, её халата и пользовался моментом. И Татьяне приходилось то да потому отстранять его шаловливую руку, ласково напоминая: «Миленький, лапонька, мы не одни». Иногда Татьяна поглядывала на настенные часы.

И Света заметила это и спросила:

– Спешишь куда-то? На часы всё смотришь.

– Я? Нет-нет, – ответила Татьяна, однако спустя пару минут опять бросила взгляд на часы.

Света ушла как раз вовремя. До прибытия городского автобуса оставалось сорок минут. Этого времени было достаточно, чтобы извлечь из тайника деньги, окончательно собраться и по пути к месту посадки забежать к Гавриловне. Решили, что Литиков уйдёт на двадцать минут раньше, без вещей, поболтается у магазина, заглянет на почту, а за пару минут до предполагаемого прибытия автобуса приблизится к автобусной остановке.

А Татьяна на остановку вообще не пойдёт, она выйдет к повороту на тракт, где и дожждётся автобуса. И они уедут. Они поселятся в гостинице, а завтра вечером позвонят в деревню. И всё узнают, все новости основные.

Однако их планы оказались на грани срыва.

– Они идут! Сюда! – закричал Литиков.

Он был уже одет и ходил по дому в поисках зажигалки. Случайно глянув в окно, он увидел того, с пистолетом, и с ним ещё одного.

– Кто? – подбежала Татьяна.

– Те самые!

– Спокойно! – приказала Татьяна. – Я сама буду с ними говорить.

Постучали, не дожидаясь разрешения, вошли. Татьяна встретила их у порога.

– В чём дело? – подступила она к непрошеным гостям.

– Где второй? – спросил высокий качок в тёмных очках, неоднократно меченый пластырем и йодом. Заметив Литикова, повернулся к нему. – Ты, что ли?

Литиков похолодел, ноги сделались ватными. К счастью, говорить он ещё не мог, только рот приоткрыл.

– Не узнаёшь, Андрей? – засмеялся второй. – Это же тот дурачок местный, который нам помог. Вцепился в клиента мёртвой хваткой.

– Ванька-скотник, – уточнила Татьяна. – За десяткой приходил. – И дёрнула подбородком в сторону Литикова. – Ну, получил десятку на водяру любимую – двигай! Последний раз. Сама без гроша сижу.

Литиков робко протиснулся между Татьяной и визитёрами, выбрался в сени, во двор, за калитку и припустил по улице. Не слушавшиеся ноги заплетались, но страх – он как сейчас видел избитое лицо Бабухина – гнал его. Забежать как можно дальше, где его уже не достанут. Жаль, что до прихода автобуса ещё так долго, целых двадцать пять минут.

– Ну, чего припёрлись? – в это время спрашивала Татьяна, стоя перед Андреем и Алексеем.

– Обыск, – объявил Андрей.

– Обыск? Ха! Ха! И ещё раз – ха! – отчеканила Татьяна. – Только один шаг, и я такой крик подниму – чертям тошно будет. На всю деревню. А ну, выметайтесь! Ну-ка! – И Татьяна принялась пихать Андрея в грудь.

– В этом доме спрятаны деньги, сударыня. Ворованные! – не отступал Андрей.

– В доме? Где? В шкафу или под кроватью? – язвительно заговорила Татьяна. – Вы их совсем за дураков, что ли, держите? Так вот, прошлой ещё ночью, с кайлом и лопатой, они унесли деньги из этого дома. Куда? Не знаю. Не интересовалась. Мне за постой заплатили. Тебе эти деньги отдать?

– А где второй тип? – спросил Алексей.

– Он ещё первым автобусом в город смотался, за одеждой.

– Когда вернётся?

– Сегодня обещал.

– Надо все автобусы встречать, – сделал вывод Андрей и повернулся к Алексею. – Возьмёшь её с собой и – вперёд. Кстати, встречать надо не только автобусы.

– На морозе торчать? У меня насморк, – заявила Татьяна.

– Возьмёшь кого-нибудь, кто знает его, – изменил указание Андрей.

– Да раньше, чем после обеда... – начал Алексей.

– Нет, с ближайшего начнём.

Жених и невеста. Их не догонят

Литиков побывал уже и в магазине, и на почте, но, гонимый страхом и нетерпением, выбежал на прямую слишком рано. Автобусная остановка – вон она, рукой подать, две минуты ходу, а до подхода автобуса ещё целых десять минут. Заглянуть, может быть, на свиноферму? Литиков протопал к воротам – закрыты, толкнул калитку – со скрипом отворилась. Литиков вошёл. Сумрачно и вонюче.

– Чего надо? – раздалось неожиданно совсем рядом. Только теперь Литиков увидел, что перед ним стоит женщина в тёмном халате поверх фуфайки, в мужской шапке, в валенках с калошами. – Поросят воровать пришёл?

– Что, и днём крадут? – удивился Литиков.

– Кто – днём, кто – ночью. Такие, как ты, – ночью. – Женщина говорила зло и раздражённо.

– Это почему?

– По кочану. Рожей не вышел, – отрезала женщина. И уже мягче добавила: – Посмотри, как ты одет, сам поймёшь. Те, которые днём, они же в кожаных и шапках из норки. На «волгах-мерседесах», а сзади – грузовик с прицепом.

– Да, я только ночью, – согласился Литиков.

– Ты не из тех, которые поезд грабанули? – оживилась женщина.

– Из них самых.

– Говорят, вы деньгами ух как сорили, – сказала женщина и замолчала.

Литиков посмотрел на женщину и понял, что той хочется попросить у него денег, да не решается.

– Я вам пришлю, скажите адрес.

– Приречная, сорок. Прохоровы мы, – обрадовалась женщина. – Детей – четверо. Рожали – радовались. Жизнь-то, вроде, как бы всё лучше и лучше была. А потом – перестройка одновременно с ускорением. Мы и отстали.

Женщина что-то ещё говорила, но Литиков уже не слушал, продвигаясь к выходу, – не опоздать бы. Выбравшись на свет, глянул на часы и заспешил к автобусу. Около автобусной остановки уже стоял автобус, на боку – надпись красной краской: «Ваш аэробус??? Пожалуйста!»

– Мой, мой, – пробормотал Литиков и поспешил к двери.

Его, поднимающегося в салон автобуса, заметил бывший космонавт Богатырёв, которого за бутылку водки Алексей подрядил опознать «второго», то есть Литикова.

– Это не он ли садится? – остановился Богатырёв, приглядываясь.

Алексей тоже остановился, однако в сторону автобуса, до которого им было идти ещё метров двести, даже не посмотрел.

– В автобус садится? – спросил он насмешливо. – Ты, смотрю, совсем уже залился. Я же тебе сказал: прибудет транспорт из города – смотри в оба. А этот – проходящий. И не из города, а в обратную сторону. Так что пока расслабься и думай о чём-нибудь приятном.

– А если в автобус садится? – растерянно пробормотал Богатырёв.

– У вас в космонавты всех таких брали, умом слабеньких? Лишь бы летать умел, да? Или лётать. В армии-то служил? Стой, здесь тормознёмся.

– Я подполковник запаса.

– Я не про подполковников говорю, я – про армию. Рядовой, ефрейтор, сержант. Дух, черпак, дед. Упал – отжался.

– А, нет. Я училище лётное окончил.

– Ну-у-у, училище. Ты, считай, службы не знал. Я тоже в карантине был. А вот когда в роту пришёл – другой коленкор. Кстати, надо придумать, откуда наблюдение вести будем. Чтобы и обзор, и в тепле.

Автобусу пора было отправляться, но водитель, словно, чего-то ждал. Литиков нервничал. Заметив одного из бандитов, то есть Алексея, разнервничался ещё пуще, даже холодным потом прохватило со спины.

А бывший космонавт Богатырёв в это время пытался сообразить, всё ли он делает верно, встав на путь зарабатывания денег на бутылку водки. Этот бандюга пригласил его встретиться «поездного грабителя», который должен приехать. Не уехать, нет. Именно – приехать. Из города. Ага, приехать. С этим всё ясно. Но...

Стоп-стоп, одного (а всего их двое), люди рассказывают, они уже взяли и держат в доме бабки Ани. А может, они его отпустили, и вот теперь он сел в автобус и пялится на них из окна? Одного взяли и отпустили, а теперь ловят второго? Того, который сейчас в городе, но скоро приедет? Космонавт пожал плечами.

– Что ты плечиками пожимаешь? – толкнул его Алексей. – Будешь мне сейчас толковать про тяжёлую службу офицерскую? Да нагляделся я на них. Вот кто бездельники, так бездельники. Мама мия!

– А этого-то отпустили восвояси? – спросил Богатырёв.

– О чём ты?

– Того, которого давеча повязали, отпустили, спрашиваю?

– Да ты, смотрю, сплетни по деревне собираешь, уважаемый товарищ, – прищурился Алексей. – Кого повязали, кого отпустили – тебя не касается. Твоё дело – честно заработать на водку и отвалить. И – ничего не знаю, ничего не видел.

– А этот, который поехал, вам уже не нужен?

– Кто «который поехал»?

– Ну, поездной ворюга, – уточнил бывший космонавт Богатырёв и указал на автобус.

– Он, – задохнулся Алексей, – в автобусе?!

– Один – да, – ответил Богатырёв. – А второй, я так и не понял, у бабки Ани или в городе? Алексей дёрнулся, как от удара, и сорвался с места. Автобус уже отправился и набирал скорость.

– Ой-ё-ёй! – запричитал Литиков, увидав бегущего Алексея, потом вскочил и поспешил к водителю. – Водила, друг, не останавливайся!

– Да вон бежит какой-то, – ответил водитель равнодушно и, убрав ногу с педали акселератора, положил руку на рычаг переключения скоростей.

– Сто тысяч даю! – выкрикнул Литиков.

Водитель автобуса удивлённо посмотрел на него.

– Плачу лимон! По газам! – возопил Литиков.

– Яволь, – пожал плечами водитель и вернул ногу на педаль. – А как же тот?

Литиков облегчённо выдохнул и вытер пот со лба.

– Собираться дольше надо было. Копаются чего-то, а потом...

– Ты там что-то про лимон говорил, – напомнил водитель автобуса. – Аэрографию, настоящую, забабахая.

– Будет тебе лимон, – улыбнулся Литиков. Он уже способен был улыбаться. – За поворотом остановишься, и будет тебе лимон.

– Это ещё зачем – «остановишься»? – водитель настороженно покосился на Литикова.

– Не бойсь. Там невеста моя сядет. У неё деньги-то.

– Жениться собрался?

– Да. На настоящей красавице, – довольно улыбнулся Литиков. В эту минуту он сам верил в то, что говорил.

– А тот красавчик – соперник неудачливый, я понимаю? На свадьбу-то хватит – лимонами разбрасываешься?

– Ещё останется, – успокоил Литиков. – А вот и она. Сейчас сам увидишь, какая красotka. Я раньше тоже думал, что такие только в столицах мира встречаются. Пока судьба не улыбнулась и не свела.

Татьяна села в автобус, и Литиков рассказал ей о погоне. Выслушав его, Татьяна спросила:

– Шофёру – миллион?

– Да, я обещал, – беззаботно ответил Литиков.

– А ты знаешь, сколько у меня всего?

– Что такое? – встревожился Литиков.

– А столько, сколько ты уже профукал со своими шоферами.

– А остальные?

– Там же, где и были. Я на дорогу взяла.

– Почему? – недоумевал Литиков.

– А зачем я должна была их таскать за собой? – вопросом на вопрос ответила Татьяна. –

И хватит об этом.

Оба замолчали.

– Придётся отдавать и выметаться из автобуса, – наконец сказала Татьяна. – Не миллион, конечно.

– Почему выметаться? – удивился Литиков.

– Потому. Минут через двадцать они нас догонят.

– Догонят?

– У них же машина, иномарка, не понял, что ли? И не было бы, так нашли бы.

– Попросим прибавить скорости.

– Гололёд же.

– А на иномарки гололёд не распространяется?

Татьяна грустно усмехнулась и не ответила. Литиков понял, что она права.

– Что же делать? – спросил он.

– В Дольском выходим, а потом... – Татьяна замолчала. – А что потом, я не знаю.

Автобус ушёл, оставленные им отработавшие газы поглотило бело-голубое пространство морозного деревенского дня.

– Дизельные двигатели выбрасывают сернистый ангидрид, сажу и эти... полициклические углеводороды, – вертя головой и глубоко вдыхая воздух, сообщил Литиков. – Но мне больше нравится то, что после бензиновых остаётся.

– Что остаётся? – рассеянно спросила Татьяна.

– Да то же самое: углеводороды, ангидрид, а вместо сажи – свинец, – пояснил Литиков.

– При чём тут свинец? – обернулась и посмотрела на него в упор Татьяна.

– А при том! – Литиков сорвал с себя шапку и наклонил голову, демонстрируя свою макушку. – Нюхал в детстве бензин, а теперь вот, можешь убедиться, расплачиваюсь. Ещё несколько лет, и облечу, как одуванчик.

– Ну, ты чудо! – покачала головой Татьяна. – Тебе жить-то осталось, может... Я ломаю голову, что делать, а он белиберду несёт. Господи! Связалась я с вами...

– Не бойсь, тормознём машину и...

– Когда она будет, ты знаешь? Вечером? Завтра или послезавтра? Да следующая будет, скорее всего, с этими нашими общими друзьями! Чудо! Чудак на букву му!

Её волнение передалось Литикову, он заозирался.

– Давай спрячемся. Давай куда-нибудь, Танюша...

– Дальше что? Они догонят автобус, убедятся, что там нас нет, и вернутся.

– Куда?

– Сюда. Им шофёр и другие сообщат, где мы вышли. А где тут спрячешься? Тут десяток домов, жилых, не наберётся.

Литиков съёжился:

– Но стоять на дороге и... ждать...

Он посмотрел вдаль на дорогу и представил, как из лесу выкатится, безобидной консервной банкой, автомобиль, стремительно приблизится к ним и из него, теперь уже большого и опасного, выскочат... Нет, не спеша выйду эти мордовороты. Сначала они прямо на дороге ленивыми ударами крепких рук погоняют его между собой, потом ухватят за шкуру и зашвырнут в машину.

Он увидел, что Татьяна перешла на другую сторону дороги и поднимает руку, чтобы остановить приближающийся автомобиль марки «Ауди-А4».

– Нам же не туда, – напомнил Литиков.

– А я и забыла! – раздражённо ответила Татьяна.

И вот они едут в обратном направлении. Водитель, нездешней внешности, благоухающий дорогим одеколоном, в пиджаке ядовито-зелёного цвета и при умопомрачительной расцветки галстук, улыбался Татьяне как старой знакомой и совсем, кажется, не заметил Литикова.

– Милая деревенька. Вы здесь живёте? – спрашивал водитель, оборачивая голову к Татьяне, которая, как и Литиков, расположилась на заднем сиденье.

– Не здесь, но неподалёку.

– Не в Посконном живёте, часом? – улыбнулся водитель.

– Да, именно. А вы к кому, простите, едете? – Татьяна тоже улыбалась.

– Вы что же, всех знаете?

– Как будто. Всех, пожалуй.

Водитель вздохнул.

– Я друга разыскиваю. Сто лет не виделись.

– Как его зовут?

– Дима Дровосекин. У него жена, я слышал, и двое детей.

– Нет, такого у нас нет, – уверенно заявила Татьяна. – Если только... А он давно в этих краях?

Литиков ревностно отслеживал нотки женственности в голосе Татьяны и беспокоился.

– Скорее всего, недавно, – ответил ядовито-зелёный пиджак. – А кого вы имели в виду, когда произнесли «если только»?

– Да так. В нашем селе сейчас полно... гостей.

– И что за гости?

Навстречу показалась серо-голубая «бээмвэшка», и Татьяна, зловеще глянув на Литикова, быстро присела. Литиков проделал то же самое. Всё это не укрылось от внимания водителя, который, однако, никак на это не отреагировал.

Спустя некоторое время он озадаченно произнёс:

– Получается, зря сюда заехал?

– Да, наверно. – Татьяна снова улыбалась.

– И как у вас жизнь протекает? Что интересенького? – расспрашивал заезжий. – Кино? Танцы?

– Ни кино, ни танцев. Мужики и бабы – все, считай, водку пьют. Вот и все развлечения.

– Что ж, довезу вас и поеду обратно, – задумчиво проговорил мужчина. – Где его искать, ума не приложу. Может, ещё кого порасспрашивать?

– Порасспросите, хотя это и бесполезно, нет у нас такого. А потом, может быть, нас до города подбросите, а? – попросила Татьяна.

– А вы, что же, обратно собираетесь? На ночь глядя? У вас там родственники?

– До ночи ещё далеко, – уклончиво ответила Татьяна.

Когда въехали в село, Литиков нагнулся к Татьяне и спросил:

– Ты хочешь забрать деньги?

Татьяна оттолкнула его локтём и ничего не ответила. Возле дома Демьянихи она попросила водителя остановиться и довольно долго раздумывала, стоит ли забирать ворованные деньги. В конце концов, решила, что возьмёт только свои собственные деньги.

– Пожалуйста, на два дома дальше, у колодца, – обратилась Татьяна к водителю. На нервно ёрзающего рядом Литикова она упорно не обращала внимания. – Да, вот здесь и остановите.

Татьяна отсутствовала минут десять. Она ушла, и водитель, наконец, заметил Литикова.

– Симпатичная женщина, – обернулся он к Литикову. – Она кем, прошу прощения, вам приходится?

– Невеста, – не без гордости ответил Литиков. – И я попросил бы тебя, приятель, быть поскромнее. И не таращиться. А то, понимаешь... – Литиков начал распаляться. – А то я знаю таких, понимаешь... Только увидят если более-менее, так сразу и начинают губу раскатывать! Пиджак, видите ли, одеколон на весь салон, улыбочки и всё такое прочее!

– Ладно, не кипятись, сам виноват – без паранджи вывел, – отмахнулся водитель. – Тебя как звать?

– Михаил.

– Меня Виктором. Тоже здесь живёшь?

– Вроде того. У невесты своей и живу. Вон наш дом, куда она пошла.

– Да-а, – задумчиво произнёс Виктор и что-то пробормотал себе под нос.

– Что? – переспросил Литиков.

– Погода, говорю, природа, говорю, лес, речка... Остаться бы тут навсегда или хоть на время, а то всё крутимся чего-то, суедемся, спешим куда-то.

– Коммерсант, наверно, вот и крутишься. Угадал?

– Пожалуй, да.

– Так «да» или «пожалуй», – не удовлетворился ответом Литиков.

– Пожалуй, да.

Литиков засопел, однако вспомнив, что при посадке Татьяна велела ему помалкивать, сдержался. Да и что ему до этого франта? Ну, довезёт он их до города. И всё. И прощай, франт-тяра. Покедова. И забыли, как звать-величать. И даже Татьяна о нём не вспомнит.

***

Вчера утром Виктор стоял возле одного из входов в офисное здание на Кутузовском, облицованное с фасадной стороны кирпичом малинового цвета, и рассеянно осматривал свои туфли, брюки и видимую ему часть собственного пиджака. На мгновение сосредоточившись, он с удовлетворением отметил, что туфли его почти не запачканы, брюки безупречно отглажены, а пиджак просто превосходен. И Виктор нажал на кнопку звонка. Дверь открыл усатый мужчина лет тридцати в тёмно-синем пиджаке с жёлтого цвета сияющими пуговицами. Мужчина смотрел вопросительно.

– Вы меня не узнаете? – спросил Виктор не без ноток презрения и вызова в голосе.

– Да нет, почему же... Проходите, – слегка растерялся усатый в синем пиджаке.

Заметно разозлённый тем, что в течение секунды или двух он, стоя на холоде, вынужден был наблюдать железобетонное выражение лица охранника, которое предназначалось отнюдь не ему, а кому-то постороннему и незнакомому, Виктор стремительно направился через фойе к лифту.

Поднявшись на третий этаж, он услышал голос разговаривающей с кем-то по телефону Ирины и мгновенно оттаял. Присесть у двери и слушать этот голос. Хоть сто лет. До тех пор, пока смерть не уцепится за ноги и не утащит в могилу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.